

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблчанского.](#)

В поле было холодно, туманно и ветрено, смерилось рано. Еле светили подкрученные фитили ламп и резко воняло керосином в пустом вокзале нашей захолустной станции, на буфетной стойке в третьем классе спал под тулупом станционный сторож. Я прошел в комнату для господ - там медленно постукивали в полусумраке стенные часы, на столе желтела прошлогодняя вода в графине... Я лег на вытертый плюшевый диван и тотчас уснул, утомленный тяжелой дорогой под дождем и снегом. Спал я, как мне казалось, долго, но, открыв глаза, с тоской увидел, что на часах всего половина седьмого.

"И прошел тот день к вечеру темных осенних ночей", - вспомнилась мне печальная строка из какой-то старой русской книги.

По-прежнему было холодно и тихо, по-прежнему чернела за окнами тьма...

Когда часы нерешительно, точно раздумывая, пробили восемь, где-то завизжала и гулко хлопнула дверь, а на платформе жалобно заныл звонок. Выйдя в третий класс, я увидел мещанина в картузе и чуйке, который, поставив локти на колени и положив в ладони голову, неподвижно сидел на скамье.

- Это поезд вышел? - спросил я.

Мещанин встрепенулся и взглянул на меня испуганно. Потом что-то пробормотал и, нахмурившись, быстро пошел к дверям на платформу.

- У него жена в родах помирает, - сказал проснувшийся сторож, сидя на буфетной стойке и вертя сигарку из газетной бумаги. - У всякого, значит, свое горе, - прибавил он рассеянно и вдруг сладко зевнул, оживленно, с непонятным злорадством заговорил: - Вот тебе и женился на богатой! Второй день мучается, царские ворота в церкви отворили - ничего не помогает. Теперь в город за доктором скачет, а к чему, спрашивается?

- Думаешь, не поспеет?

- Никак! - ответил сторож. - Вернется он завтра вблизи вечера, а она к тому времени помрет. Беспременно помрет, - прибавил он убежденно. - Три раза, говорит, на оракул кидал, - кто, мол, раньше помрет, я али жена, и три раза выходило одно и то же. Перва... как это? "Нечего тебе простирать вдаль свои намерения", а потом и того хуже: "Молись богу, не пей вина и пива и готовься в монастырь". А вчерась, говорит, во сне видел: будто обрили его догола и все зубы вынули...

Он, верно, говорил бы еще долго, но тут тяжело зашумел подходящий товарный поезд. Снова завизжала и заныла входная дверь, показался кондуктор в тяжелой мокрой шинели с оторванным на спине хлястиком, за ним смазчик с тусклым фонарем в руке... Я вышел на платформу.

Там я долго ходил в темноте ветреной, сырой ночи. Наконец, сотрясая зазвеневшие рельсы, загорелся в тумане своими огромными красными глазами пассажирский паровоз. Я поднялся в полутемный, теплый и вонючий вагон, переполненный спящим народом, и уже на ходу поезда нашел свободную скамейку в углу около двери в другое отделение. В зыбком сумраке вокруг меня беспорядочно темнели лежащие на лавках и на поднятых спинках лавок, под полом гудели колеса, и, закрывая глаза, я все терял представление, в какую сторону идет поезд. Но прошел истопник с кочергой, похожий на негра, и не затворил возле меня двери. Послышался говор, потянуло махоркой... Мещанин, ехавший в город за доктором, сидел и курил с угрюмым, сосредоточенным выражением лица, на краю четвертой от двери лавки у чьих-то ног, а за растворенной дверью возле меня, в дымном сумраке под фонарем, тесной кучкой курили мужики и слушали кого-то, сидевшего против них.

- Да-а, братцы мои, - слышался сквозь гул бегущего вагона чей-то голос. - Да-а. И попадись в это самое разнесчастное село старик-священник из Епифани. Перевели его, значит, из города в самый что ни на есть бедный приход, А за что перевели - пил дюже... значит, и перевели вроде как бы в наказание. А старичок-то пить-то пил, да оказался такой, что лучше и не надо. "Сколько, мол, отец Петр, за кстины аль за похороны берете?" - "Не я, свет, беру, а нуждишка! Сколько силы твоей есть..." И вот так-то всегда. Перевели его, значит, весной, пробыл он честь-честью лето, а осенью и захворай. Года, что ли, такие, или простудился он, - лето-то, сами знаете, какое было, - только, видимое дело, слабеть стал. И вот, братцы мои, почуявши такую историю, вышел он на Покров после обедни к народу - и простился со всеми: "Должно, говорит, скоро я преставлюсь к господу богу, миряне, - простите, ежели согрешил что..." И, сказавши таким манером, поклонился народу и ушел в алтарь. А пришедши домой, сел было обедать,